DOI: 10.31860/978-5-918680-445-466-498

Б. В. Шергин

ДНЕВНИК 1942 ГОДА (8 ИЮНЯ — 20 НОЯБРЯ)

Часть II[1]

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Ш. Галимовой, М. В. Никитиной)

Аннотация: Настоящая публикация является продолжением начатого в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год» издания дневника русского писателя, сказителя, фольклориста, художника Бориса Викторовича Шергина (1893—1973) за 1942 год, а также предыдущих публикаций его дневниковых записей за разные годы. Дневники Шергина отражают прежде всего его религиозные переживания, стремление жить по евангельским заповедям и по учению Церкви. Каждый день года проживается Шергиным по церковному календарю и связан с теми или иными евангельскими событиями или памятью святых.

Ключевые слова: Борис Шергин, вера, христианство, святость, Церковь, традиция.

Abstract: This publication is a continuation of the publication of the diary of the Russian writer, storyteller, folklorist, artist Boris Viktorovich Shergin (1893—1973) for 1942, begun in the "Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2023," as well as previous publications of his diary entries for different years. Shergin's diaries reflect, first of all, his religious experiences, his desire to live according to the Gospel commandments and the teachings of the Church. Every day of the year is lived by Shergin according to the church calendar and is associated with one or another gospel event or the memory of saints.

Keywords: Boris Shergin, faith, Christianity, holiness, Church, tradition.

На 8 июня[1]

Горит лампада, благоухают фиалки, и мысль влечет память чудного ученика Сергиева Кирилла Белозерского[2]. Заутра святая память его.

[1] Публикуемые дневники хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 278, оп. 1, ед. хр. 233). Дневник Б. В. Шергина за 1942 год содержит записи с 21 января по 20 ноября. Материал настоящей публикации — вторая часть записей 1942 года (с 8 июня по 20 ноября). Первая часть записей: Б. В. Шергин. Дневник 1942 года (21 января — 13 мая). Часть I / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб.: Полиграф, 2023. Там же сведения о предыдущих публикациях дневников Б. В. Шергина.

© Галимова Е. Ш., Никитина М. В., 2024

Силе и угодью каждого Божиего дня надо внимать. Памяти и праздники святых — то великая сокровищница Церкви. Всяк имеяй уши, чтобы слышать неизреченную музыку неба, всяк, любящий ароматы роз, как пчела, падая по цветам, по дням года, приникая то к одному, то к другому дню, где кому любее, где кому краше, великую, ни с какими сладостями мира несравнимую духовную сладость медвяную обоняет и вкушает, веселясь. Твое сердце изберет вот эти дни, памяти вот этих излюбленных святых, мне вот эти и эти дни особливо пречудны и заветны. Год церковный — сад благоуханный. Там вечная весна цветет и благоухает. Святые Божии угодники, благоуханные цветы рая. О, сколько их, этих цветов, красоту и аромат которых не обсказать человеческим словом! Восторгаешься этим цветам, дивишься на те, любуешься еще и еще.

Роза — царица цветов. С породами сих царственных по красоте и благоуханию цветов, с породами, к породам роз применю великих святых. Святые мученики, кровью своею багряницу прекрасную Церкви исткавшие, — алые розы. Великие святители — Василие[3], Григорие[4], Никола[5], Кирилл[6] — розы белые. Но Хрисостомос Иоанн[7] — алая роза. Розы красные, и белые, и желтые — апостолы Христовы. Прекрасные лилии в церковном[8] саду Христовом — преподобные, святые иноки. Но и с фиалками, с этими столь несравненно благоуханными цветами, сравню святых иноков. Фиалка уединенная, скромная по цветку, ее не сразу и заметишь в тени дерев. Но, пришедшу на запад солнцу[9], этот скромный внешне цветок возносит к небу аромат пречудный, несказанный. В аромате фиалки что-то напоминающее ладан. Воистину, это фимиам, которым кадят херувимы у престола Божия. Обоняя в ночи благоухание фиалки, мыслишь инока, пустынника, возносящего в тишине ночи молитвы Отцу Небесному. «Яко кадило пред Тобою»[10] этот чудный цветок. Говорят: скромный цветок. Но как напоминает свечу церковную этот стройный цветок. И цветение сих как бы восковых лепестков схоже и с жемчугом, и с парчой. Букет фиалок схож еще: будто целый облак белокрылых ангелочков опустился на стебельки.

Помянул, что, ежели можешь, так приникни к каждому дню. Или, хоть в кой день возможно, упразднись поне[11] на мал час и внемли музыке дня, послушай аромат дня.

День святого Кирилла Белозерского.

Вот ведь, на старуху поруха, — действительно, скоро я старик, а мимо меня проходила сия святая память. Так бы и сейгод опустил день святый. Но в канун брателко[12] принес чудесных фиалок. И к ночи оне как бы фимиамом наполнили комнату. А день был воскресный, и лампада всё теплилась. Брателко говорит: «Завтра какой-нибудь праздник!» Поглядели в книгу — святого Кирилла преподобного Белозер-

ского... И вот, впервые за всю жизнь, этот день вошел в сердце как праздник.

Един от учеников Великого Сергия, едина от звезд северной Фиваиды, един из самых почитаемых святых Руси Святой, и так любящей святых иноков.

Видишь Север наш, светлый, привольный. Видишь великое Белоозеро. Криле ветреные подымают волны; волны бегут без конца, ряды за рядами, кричат и носятся чайки. Сизые волны, кружево белое пены, белые стены древней обители. Святое озеро! На его брегах кроме знаменитой Кирилловой обители и Ферапонтов святой монастырь, собор которого украшен рукою великого художника Дионисия. На Белоозере и еще одна обитель — знаменитая Нилова Сорская пустынь, монастырь начальника скитского жития на Руси[13].

Свежий, бодрый ветер веет оттуда! Неустанно звенит оттуда гусль, зовущая на подвиг, зовущая вслед этим рыцарям чудным XIV, XV веков, ученикам ангела России Сергия.

Кирилл Белозерский, Александр Свирский[14], Нил Сорский, преп<одобный> Ферапонт[15], преп<одобный> Мартиниан[16]... О, дивная северная Фиваида! Земля новгородская, олонецкие озера, просторы Насон-града[17], Вологды, тихославная Двинская земля, Соловки... Сия-река. Поморие. О, каков цвет благоуханен, каков плод пресладок принесло христианство на Руси. XIV век, век XV. Вершины русской культуры духовной — сонм святых — и художественной: зодчество, живопись — Феофан, Рублев, Дионисий. В эти два века, озаренные живою еще, непосредственною еще и ликующею памятью ангела-рыцаря Руси, великого Сергия, в эти века, облагоуханные рыцарственными подвигами святых Сергиевых учеников, культура духовная на Руси конгениальна была, равночестна была культуре художественной.

Святый Кирилл подвизался на Севере. Там, в обители его, и святое его тело лежит. Но он пострижен здесь, на Москве. Здесь на Старом Симонове тружался он в поварне и хлебне. Здесь навещал Кирилла богоносный Сергий игумен. А потом чудное видение показало Кириллу прекрасное место в северных странах. Святый вместе с другом своим уходят на Север... Взошед на гору у Бела озера, узнали наконец место, показанное видением. Кирилл ставит крест и хижину. Таково начало пречестныя обители Успенья на Белом озере.

За отца духовного, за руководителя имели преподобного ряд князей. Сохранились в подлинниках (конец XIV — нач<ало> XV века) писания преп<одобного> Кирилла.

Духовная сохранилась преподобного. Ученик «истиннаго ученика Святыя Троицы» так начинает: «Во имя Святыя Живоначальныя Троицы... Се аз чернечищо грешный Кирило игумен предаю монастырь, труд свой и своей братьи, Богу и Святей Богородице...»

Вот пишет святый великому князю Василию Дмитриевичу[18] о примирении с другими князьями: «Вот как на кораблях, княже, если ря-

довой гребец не уладит, мал вред плывущим. А если кормщик солжет — покривит, всему кораблю гибель. А ты, сыну мой, кормчий. ... Не гордись, сыну, не возвышайся, не шатайся суетным шатанием, не слушай льстецов. Ни царство, ни княжение не спасет тебя, господине, от суда Божия».

К князю Андрею Димитревичу[19] этот чернец из дебрей Белозерских, который одеяние ношаше «всегда рубищное и многошвенное», пишет (1408 или 1415 год): «Пусть твои судьи судят праведный суд. Чтобы не было в твоей вотчине поклепов, подметов. Судьи твои не брали бы посулов. Не оправдывай сильного, не правь брата ради свойства, не укрывай друга ради любви. Проклят всяк неправо судящий... Внимай, господине, чтобы корчмы в твоих градах не было, то велика пагуба народу пьянство. Крестьяне себя пропивают. Росту брать за долги не допускай, мыт[20] и купы[21] — дело неправедное. А крестьянам, княже, сам управу давай, сам вникай и внимай, то тебе Бог за велико добро вменит.

И еще, господине: поститься вы тамо не можете, молиться ленитесь. И в то место, княже, умилися о скорбных, о заточниках, об озлобленных, о нужных, трясущихся зимою; буди рука твоя проста, твори святую милостинку. То вам в поста место и молитвы...»

Князь Георгий Дмитриевич[22] настоятелю <запись обрывается>.

16 июня

Христос воскресе! Живоносные, чудотворные слова! Давно прошел праздник, скоро Петров день, а встретил, прочитывая письма святителя Филарета, это приветствие, это целование, и сквозь тяготу болезненности, сквозь печаль и отупение мое всколыхнулось нечто в убогой душе. Я-то ослаб, отяжелел, опал, а сердце, а душа-та без меня та́и[23] знает, где ее счастье, в чем ее здоровье, ее опора, ее утверждение, ее надежда.

Христос воскресе!.. Действительно, уж надо лежать невсклонно, чтоб только в праздники поздравиться да опять и забыть это слово до следующего года. Христос воскресе. Ведь это радость навеки... В святых книгах сказано, как вознегодовала природа о падении человека. Стена встала между человеком и природой, ров велик утвердися за грех человека. Грешный, павший, отяжелевший, огрузший, опустившийся из-за грехов род человеческий перестал понимать душу природы, язык всей твари Божьей. Природа замкнулась для человека. Но воскрес Христос, совоскресив падшего человека. И «днесь всяка тварь веселится и радуется»[24]. «Да празднует убо вся тварь восстание Христово...»[25] Пасха таинственная[26]. Таинственно обновлена и вся тварь.

Вот выписка из древней русской книги толкований на пророка Исайю[27]: «Сущее: горы и холмы изменятся, чающе вас в радости. И вся древеса дубравная восплещут ветвьми. Толкование: зде показуется

обновление всей твари распятием Христовым, и погребением, и воскресением Его. Егда сотворил Бог небо и землю, и рай во Едеме насадил, и Адама сотворил, тогда, испервa, до преступления бысть вся земля, аки рай Божий, от едемскаго рая облагоухалась. И вся тварь в радости служаше первозданному Адаму. Егда же заповедь преступи, вознегодова вся тварь на преступника. Не восхоте человеку служити. Вся тварь восплакала и возрыдала. Цветы, крины сельные и древеса дубравные оскорбишася, видев человека, отвратившася от света, и от благоухания, и от ласки Отчей, а возлюбивша тьму, и смрад, и рабство греху. Поддадеся человек гордости дьяволей, восхоте аки Бог быти, ино дьявол не спит: вознесе падший ум высоко, да опустил низко. Оттоле ползает ум мира сего в тине и блате. Долу низвержен диавол и уму человеческому не дает поднятися горе.

...Убо видев человека потемневша и образ Божий в себе исказивша, вся тварь враждою дохну́ на оскорбителя. Оттоле звери и птицы ужасаются человека, а гады сокрушити его хотят. Море, и реки, и вся воды потопити изволяют человека. К ним же Владыка рече благолепным гласом: “Потерпите, дондеже паки обновлю падший Мой образ”... Оттоле неохотно повинуется тварь суете человеческой. Не волею, но за послушание Владыке Господу повинуется о надежде, яко и сама тварь свободится от работы тления в свободу славы чад Божиих (Павел пишет).

И Златоуст в Маргарите по вышереченному рассуждает: “Егда же исполнися время и приближися спасение наше, Сын Божий вочеловечився, пострадал, распныйся нас ради и воскресе из гроба, расторг узы Адамли, Господи, слава Ти! Воскресением же и всю тварь обновил и с человеком примирил”».

Апостол Павел глаголет: “вся Христос примирил собою, аще земная, аще небесная. Христос всему обновлению начаток, во всем первенствуя”. Внимай Павлу: везде глава Христос, еже есть начаток, и из гроба от мертвых первый восстал, потом же и всех совоскресив с собою. Везде Христос, воскресый из мертвых, первенствует и в земном строении, и в небесном. Зане всяко исполнение во Христе. Слава Обновителю жизни нашей, в нашу плоть облекшуся и собою вся на земле примиривше. Истлевшее наше естество древнею добро́тою (красотою) украсил и с нами всю тварь паки воскресением своим примирил. Оттоле вся тварь о воскресении радуется, яко Христос воскресе, и ад пленися, и древней лик Адамов просветися. Богу нашему слава в веки веком. Аминь» (Русск. историч. биб-ка. Т. XXXIX. Акад. наук. стр. 824—826)[28].

Христос воскрес и обновил в нас падшего Адама. Живоносное, благодатное семя насеяно в тебя и в меня Христовым воскресением. От этого семени рождается в нас новый внутренний человек. Мы должны возрастить и воспитать в себе внутреннего человека, внутреннюю духовную жизнь. Господь вывел Адама из ада. И в тебе, и во

мне властен Он вывести из ада отчаяния моего и твоего внутреннего человека. Тогда еще на земле наступит как рай Христов. Велик труд о сем, но сладка награда. Тогда будет тебе «звездная книга, с тобою говорить будет морская волна»[29]. Будешь понимать дольней лозы прозябанье[30]. В пении птиц, в веянии ветра, в шелесте трав и дерев, в журчании вод — всюду услышишь: Христос воскрес! Весна: идешь в поле, сеют рожь, сеют пшеницу. Какое чудо жизни: сеется не в честь, восстает во славе[31]. «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»[32]. Всё о радости, которую никтоже возьмет от нас.

Природа близка к Воскресшему Примирителю. Это видят, это слышат и знают праведные люди, святые иноки. Внутренние очи их видят невидимое, закрытое нашему плотскому глазу, слышат то, к чему глухо наше телесное слы́шанье. О. Амвросий Оптинский[33], еще будучи в миру, шел по берегу ручья. И вот лазурь неба показалася юноше еще более прекрасной, а листва дерев, и цветы, и травы еще более благоуханными, и вдруг он явственно услышал в говоре ручья, в переливах водных струй слова: «Хвалите Бога, любите Бога! Хвалите Бога, любите Бога!»

И в жизни подвизающихся о Христе и в наше время нередки такие примеры...

И вот, даже болтаясь или валяясь около этого благодатного мира, не войдя в него (одежды не имам да вниду!)[34], возле ограды шатаясь, иногда воровски, как тать, пытаясь перелезть ее, зная, что не вправе зайти воротами, вот и в таком босяцком положении «чуешь смущенной душой»[35] преславная. Нищий и копеечке рад. Ну, Христова копеечка дорогого стоит.

Сейгод в Христову ночь я с брателком поссорился и к заутрени опоздал. А побрел один по переулку. А темно, а вода. Горе взяло. Ино человек из-за угла, чуть не столкнулись. А человек и сказал: «Христос воскресе!» Точно мне тысячу рублей в руку положил... Я опомнился да уж в спину ему крикнул: «Воистину воскресе! Воистину воскресе!» И сердце отошло, как весной трава из-под снегу выскочит.

Городом, домами этими бредешь, учреждениями, люди бегут, бегут — гонит их суета и нужда. О, Владыка, восстани в нас, падшим нам подая воскресение[36].

Асфальтом-то слепым мимо слепых домов бредешь, сдумаешь иное: где тут Христос? Ни[37] близко! Нет, близко!! Воскресый из мертвых, вот Он проходит Божиим миром, аще город, аще поле, нигде ему не загорожено. Вот, гляди: город, кирпич, асфальт, железо, а ласточки как свирели свистят, не гнушаются камня, а зелень в садах, в переулках, как нежна и цветна, а небо — не та ли же лазурь, не те ли облака над городом, что над полями. А в ночь не те ли же звезды сияют. А зори вечерние не тот ли же «Свете тихий святыя славы»[38]. И не при той

же ли заре утренней, что тихо и светло встает над городом, поют в пустынях: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»[39] ...Везде Господь! Везде Христос воскрес. А главное — в нашем сердце! Здесь воскресение Христово в первых да будет...

3 июля, четверг

Горе человеку, живущему по своим волям, плывущему без руля и без ветрил. Горе мне, живущему без правил, без порядка, без чина, без устава. Я сам себе правило, сам себе устав, сам себе порядок. И получается, что живу бесчинно, беспутно, беспорядочно. Всякие ветры меня поревают[40]. И не то что один день я как бы мирен, а другой день разорен. Нет, в один день, то переменяясь, а то и враз дуют на меня ветры со всех румбов. Люблю в себе состояние, вернее, настроение мирное, люблю чувствовать, что около веселия духовного хожу, около радости некия. Люблю записать эти настроения...

Ведь и болезнь, и думы тяжелые, безнадежные, как-то рассеиваются, бледнеют. И заживает в тебе человек новый. Какое это радостное состояние!.. Но вот вчера было и до вечера, скажем, состоянье мирное. А сегодня я уныл, дряхл душою, сегодня дух мой болен, совсем как вот тело болеет и хочет лежать.

И уж ничто не помогло, никакие мои «тонические». Ни чай крепкий, ни кофе, ни кофеин, ни пирамидон. Только розняло всего на части, распался весь. А дух, как лежал, сложив бессильно крылья, так и остался лежать. (Хочется добавить: на дне курятника. Ибо я не храм для духа, а курятник.)

Истинно, я суденко разбитое, кверху дном в море носимое, истинно, я лист, от дерева оторванный, под ногами у прохожих валяющийся... Нет у меня правила, нет в жизни порядка, нет ограничений (значит, нет и свободы), нет закона, некого слушать, некому велеть, некому приказать...

Что хочу, то и делаю, а не хочу, ничего не делаю. Возьму книгу Божию, отложу — нет настроения, возьму лестовку — бесплодное занятие, лучше записать что доброе. А доброе на ум не идет... С вечера налажусь к обедне встать — просплю: голова болит, ехать далеко, в какой храм, не знаю. Там пение концертное, там поп неумен, там покойники всегда.

...Опять, иное, к доктору надо: день уйдет. И дела бывают. Думаешь: ужо к вечеру «упразднюсь». А вечером в недосуге ночь подкатит, лечь надо и своим покой дать.

Не молюсь: успеется, нет настроения. Не пощусь: сложно учинить, устроить, как будешь наособицу...

А раз никого не боюсь, никого не слушаю (не считаю себя обязанным никого слушать), ничему не следую, никаких регламентов не знаю (ведь никто мне никаких правил не дал, устава не предписал, ни-

кому ни в чем я не обещался), дак я и влачу часы и дни жизни по случайным настроениям.

Конечно, при крещении дано обещание жить по уставам святыя Церкви. Конечно, и мирянин обязан соблюдать посты, содержать поне малое молитвенное правило, жить по заповедям.

Но... мир упал в слабость, кто в миру постится, где в миру найдешь семьи, живущие по уставу церкви? В мире все живут в слабостях, в страстях, доброе и злое смешано, спутано. Мирские люди, и хорошие, младенчествуют умом. В страшных твоих испытаниях они беспомощнее тебя. Несчастья давят их. Мирские люди живут как мотыльки, около них гибнут, и они гибнут, и все танцуют, танцуют в чаду, в хмелю каком-то, стараясь не думать о неизбежных болезнях, уходе близких, бедах, смерти... Проходит столь краткая пора молодости, когда всё кажется в розовом свете, настают годы, для большинства безрадостные. Плачут бедные, плачут достаточные, плачут семейные, плачут одинокие. Суетятся, мятутся, бьются, копят, собирают, оставляют, враждуют, завидуют, ненавидят, блудят... А в общем, как говорил о. Амвросий Оптинский, «к людям надо относиться как к детям». А вернее, как к больным (обходиться, как с больными).

...Вот что такое мир. Какая он помощь, какая он опора. Пока ты здоров, пока у тебя кровь играет, пока готов ты развлекать «общество», зубоскаля день и ночь, пока угождаешь ты этому глупому жестокому чудовищу — миру, он приемлет тебя. А чуть по болезни или ради горя перестал ты чесать пятки «миру», он тебя бросит ту же минуту, как негодную ветошь: подыхай. Отойди от мира на пядень, мир отскочит от тебя на сажень.

Вот что есть мир! Кому он дорог, безумен тот, кто его ценит, кто, упав в неизбежные для человека болезни, скорби, беды, пытается у мира найти объяснение и утешение. Все науки, философии, доктрины, все пути-дороги, что указывает мир ищущим смысл жизни, смысл страдания, ведут в тупики, в тину, в болото, в яму. В итоге всех наук, всех учений, философий, в итоге всех учений, в конце всех жизненных путей, коими ведет безбожный мир сей, — плач и скрежет зубов. Я узнал цену миру сему, упавши в болезни и нужду. Но вот, в *наши дни* уж и безумный видит, и ребенок чувствует весь смрад, весь срам, всю ложь, всю подлость, всю преступность, всё свирепство мира сего, в наше время перестал мир прикрывать срамную, растленную, гнилую, трупную свою сущность. Мы все воочию видим, что все эти идолы *социальных* учений, всё, чем и у *нас* многие начали увлекаться еще с 40-х годов, а особенно в 60-е, и что привело к гниению, смраду и аду, всё это блуд, смрад, гнусь, яма бездонная, смерть, самоубийство, преступление. Пока смрадные извержения *учителей* и *вождей* века сего хранились там, где им быть полагается — в ретирадах[41], еще можно было <1 нрзб.> тупоголовым тупицам превозносить, хвалить, расписывать.

Ну а как *пропаганда* достигла своего и десятками лет зревшие гнойные нарывы наконец лопнули, дак уж и нос захватя, дышать нельзя. Уж видно, что всё это гной, кал, падаль. Ино то уж ладно, что так случилось. *Идеалы* давнишние *«передового прогрессивного»* человечества себя показали во всей красе. Это *коммунизм, социализм*, это *цепь* подлых насилий, это *голод*, *война*, это *газы*, это *бомбы*, это *СССР — тюрьма народов*.

Мне кажется, *«передовое* и *прогрессивное человечество»* само ужаснулось, воочию узрев воплощение своих идеалов: *прогресса*, цивилизации и т. д. и т. п. И о сем до зде[42]. Тяжело проходить мимо давних запущенных уборных. Неинтересное занятие — доказывать, что от них смердит, особенно людям, потерявшим обоняние, не различающим смрада от благоухания.

А к благоуханию-то охота вернуться.

Сад без ограды скоро вытопчет скотина. Река в крутых берегах сильно, и напористо, и круто течет, разлившись по равнине, не имея опоры и упора в берегах, река мельчает, заболачивается, становится тинистой, иловатой. Шуба нагольная, непокрытая портится сыростью. Стены без крыши — не дом, корабль без руля — игралище ветров, книга непереплетенная, без застежек, скоро истреплется и развалится. Стадо без пастуха будет голодно и растеряется, благовонное масло должно храниться в уготованном сосуде, чтобы оно не выдохлось, не вытекло.

Принятие на себя *иноческого* чина, пребывание в *монашестве*, приятие обетов *иноческих* — вот что оживит мышцы, укрепит костяк расслабленного нашего тела.

27 июля, воскресенье[43]

Ни радость вечна, ни печаль бесконечна. Давно ли, давно ли весну следил, к весне прилежал, ловил весенние настроения, а се вот осенние скоро праздники — и 1 августа, и Преображение, и Успение. Давно ли, кажись, полз я старым переулком, и меня обгоняли ручьи вешней воды, давно ли, шедшу мне к преждеосвященной, под ногой хрупал ледок... И вот уж скоро «мелькнет желтый лист на зелени дерев»[44]. Так вот у меня и жизнь прошла. Давно ли, кажись, молодость была, и как быстро, как незаметно пришла осень.

Брати́ло еще на дачу собирается, но уж Ильин день прошел, и Борис и Глеб прошли, и лето на выходе.

Сейгод пышна зелень в городе. Я тягости лета в городе не ощущаю. В подвале не жарко. Брателко бьется за меня, мне всё под нос принесет. Я теперь к ночи разве выползу на улицу. Изредка туда, «к себе», к Петру и Павлу ползу. Хоть не пыльно и не вонюче нынче лето в Москве (дожди перепадают, машин мало), а всё в день плоско как-то улицами... Хотя неба, неба се лето много над городом, чистого неба.

И думаешь: что там деревня, не эти ли же серебряные облака, не сия ли лазурь и там, над полями.

А вечером люблю я, как начнут свиристеть ласточки. И оне природу в Городе водворяют. Как, вот, дождь летний, омывающий камни Города. В дождь омываются старые плиты города, древние фасады. А омытый дождем булыжник старых переулков кажется гармонично тканым ковром. Каждый камень омытый кажет свой цвет. А слепой асфальт темнеет, и асфальтовые тротуары возле домов кажутся канавами черной стоячей воды.

Люблю плиты, что бегут еще возле домов в старых московских переулках. Они сродни столь поэтическим плитам старых кладбищ. Вяло и плоско тянется слепая, глухая, немая корка пыльного асфальта. А эти плиты как живая меняющаяся речь, как ручьи каменные обегают старые дома. Некогда оне были уложены ровно. Теперь видим их под углом одна к другой, иные треснули, покрошились с краев. Но какой у них чудесный цвет, серебряно-седой на солнце, а в дождь одна плита видится перламутровой, другая — из слоновой кости. Шагами многих, многих поколений отшлифованы эти плиты. Дождевые капли бесчисленных дождей. Ступаешь по этим прямоугольникам (ступаешь так надежно, — они так глубоко сидят в земле, словно растут из нее), ступаешь, словно считаешь их, словно страницы каменной книги города читаешь... Полированными желобами, вымоинами, выбоинами, узорными трещинами, царапинами много, много успеют тебе рассказать эти старые плиты старых, старых переулков. Столько не скажет иная эпитафия в стихах...

В Петров день шел я «своим» Подкопаевским переулком. Полдень, а тут тихо (и дивишься: в Москве ли ты?!). Старые дома рады солнышку. Эти вот подслепые лица подставили солнышку, уставились радужными бельмами, и смигнуть им неохота, так и дремлют. А ряд приятелей и сверстников ихних зады с надворья солнышку греть предоставил. Там старые крыльца, галдарейки, неожиданные мезонины, нужники. (В Москве часто так. Идет скучная улица. Обаналенные, обезличенные сплошные фасады. А вошел во двор — и увидишь сказку: старинные «глаголь» или «покой» корпусов еще барочных. Рокайлистые наличники окон, белое по синему, высокая, нахлобученная крыша с люнетами слуховых окон. А как много александровских, екатерининских, николаевских дворов-ансамблей. Красивые подъезды, внутри красивые вестибюли, широкие марши лестниц, изящно, у места поданные оконца. И это в рядовых домах, в глухих переулках. И опять высокие черные крыши, с чердаками обширными, поместительными. Теперь жмутся, выгоняя сантиметры, а прежде ширилась усадьба во весь квартал, ширился дом на усадьбе... С садом, с огородом...)

Ино я о переулке «своем» Подкопаевском заговорил да на широкую улицу свернул. А опять в переулок свернем... Видно, никто не ездит тут. Сквозь булыжник проросла трава, а возле домов, у подножия

домов и оград, словно чистыми изумрудными плюшевыми дорожками здесь постлано... И середи улицы сидит младенец голенький, в одной распашоночке, и пытается сплести себе венок, накладывая на головенку весенние цветочки. А в нише старого дома сидит и шьет его мать, и во весь переулок слышна ее песенка. Была такая здесь тишина, что песню молодой матери слышал с одной стороны переулка старый Никола Подкопай, рассевшийся на серых плитах туда вниз, к Солянке, а с другого конца переулка слушал песню грузный и великолепный некогда дворец Найденовых[45].

Я и зимой, и в весну, и теперь в лето брожу этим переулком к службе. Приду домой да рассказываю, что в «центре» улочка, а посереди ее на травке дитя сидит и веночек плетет. А мать шьет, сидя в амбразуре-оконце древнего дома и не боится, что дитя ее раздавит телега или машина. Еще рассказываю я брату и племяннику, что на вечерней заре и «государь мой дедушка», и порядовные ему дома справа и слева, что утром греют широкие зады, храня в тени породистые переда-фасады, чтобы не выгорели, да не вылиняли, да не выцвели, теперь, на вечерней заре, подставляют закату старые свои лики. Озаренные тихим светом вечерней славы неба, похожи эти дома на старых стариков, стоящих у вечерни и под пение «Свете тихий» умиленно взирающих на иконостас, залитый сиянием свеч.

Я сказываю, а братико в эту пору из очереди прибежал, в столовую бежать посуду собирает за обедом... Он послушает да горестно взвопит: «Нету, нету такой улочки, и цветов там, травки там нет, и дома эти рассыпаны, и свет тихий погас...»

3 августа, воскресенье

Как хочется, о, как хочется, чтобы если не радость, то хотя б мирность-то эта подольше во мне почивала. Утлая я посудина, и редки таковые дни и часы... Смолоду, бывало (а и не так давно!), светлое настроение не раз охватит, когда стоишь обедню, тут у нас в Кленниках служащу отцу Сергию[46]. Великое дело — благоговейный иерей. Да и восприимчивость молодости... Храм Феофании[47] на базаре стоит. Округ и трамвай, и киоски и *радио* близ поставили псы. Но вот мира состояние некоторое за обеднею стоя ощущал. И настроение или желание молитвы приходило. Я такой разболтанный, несосредоточенный, мне всё мешает за богослужением, возмущают концерты, к тому же б<ольшей> ч<астью> неважно исполняемые хором, приглашаемым в праздники. В будни досаду наводят козлетоны дьячков и пронзительные выпевания баб. Толкнет ли кто, разговаривает ли кто, всякий шум, нестройность во время богослужения (теперь ведь в одном приделе обедня, в другом отпев, в третьем крестят, у свечных ящиков бабы дерутся и кричат, разбирая поминальники, и т. п.), а в *Елохове* постоянный шум извне. Всё это мешает сосредоточиться. (При этом и компромиссность *блаженнейшего* в свое время весьма соблазняла.)

Всё это сбивает «настроение», и без того слабое, маломощное. И всё же слова *литургии* настолько они сами в себе живоначальны, чудодейственны, божественны, что покрывают и нестройность обстановки богослужения, и внутреннюю нестройность человека. Литургийные возгласы от иерея или епископа, ответствия хора настолько пречудны и пренебесны по сути своей, что неудачное оформление этих словес певцом или певцами не может угасить силу их. И вот и в «избранной» церквице Петра и Павла стою равнодушен, не могу себя собрать, а вот сегодня, слава Богу, и у большого многолюдства, где не без сутолоки, как-то хотелось молиться. И хотя опытом я себе дознал, что не надо по окончании литургии, не надо бродить мне по обширному храму, не надо рассеиваться мне ненужным, а надо, как тот инок (из Патерика), уносить с собою «молчание» святыя литургии. Надо «бежать», как он, куда-то. Хоть на полчаса... В этом отношении блаженна оная церквица Петра и Павла. Идешь туда тихим переулком, и если мир каков стяжал в душу, то и обратно можно нести его, как свечечку. Но была бы способность стяжать этот мир, эту радость, это утешение от Божией службы.

Самочинно я попривык идучи, иное и трамом едучи, повторять молитвы. Но, во-первых, я, м<ожет> б<ыть>, делаю не то, что надо. Во-вторых, настолько убога мера моя, что разве губы лепечут, а душа и сердце молчат. Вялое, расслабленное тело, болезни, всякая житейская неустроенность, болезнь брата, моя беспомощность гнетут меня, тревожат, беспокоят. И хожу, и сижу, всё как неприкаянный. И дома никому нет от меня спокоя.

...Трудно мне сосредоточиться в храме. И вот я что полюбил. Как, бывало, в деревне в лес, на обрыв выйдешь, и тишина, иное, сойдет на душу... Се лето живя в городе, люблю я зарю вечернюю: тот же ведь это «свет тихий», что и там, скажем, у преподобного Сергия в Хотькове, светит в мое окошечко «пришедшу на запад солнцу». Сейчас август начался, ночи темные, звезды ярче сияют. И вот, как потише станет, закроются ставни глухо, и... одно только небо видишь над глухими, темными громадами домов. Дома, как утесы, как берега сумрачные, а небо, как протоки морские, как море меж великих камней, углами да хоботами. Вечером и ночью уж не пялят теперь дома тысячи своих бельм в темноту. С сумерками притаятся дома, таясь и страшась «вещи во тьме преходящей, страха нощнаго»[48]. Как дети, рано ложатся теперь дома. Сразу с головой глухо заокутываются одеялом. Хоть не спит, а крепко смежит тысячи своих глаз город. И, как только смежит глаза город, откроются очи неба.

Знаю, в Евангелии слово Твое чту, в шуме тихом дерев, в музыке, в гармонии природы Тебя вижу. И Ты со мной в ласке, в заботе, в любви — братика моего блюдешь в его заботе обо мне, в его жалости ко мне. Всё Ты говоришь: «Это Я».

5 августа, Преображение, канун

Люблю этот праздник, Спасово боголепное Преображение. По воспоминаниям детства, таким отдельным от последующей жизни, столь несхожей с жизнью там, на далекой родине. Север наш озарен светом Христова Преображения. На Соловках был престол, на Валааме престол. В Заостровье у нас не Преображенье ли? И в Соломбале Преображенский собор...

Любы эти воспоминания о празднике Христовом там, на родине. Но ведь всюду светит Христос, Отчее сияние. Всюду, на всю вселенную, на все времена свет Преображения.

6 августа, среда, Преображение

Стоял у литургии (архиерейская была служба в *Елохове*), и вот что отстоялось в святый этот праздник от литургии в душе: как праздник велик, как литургия божественна, и как я мал, слаб, бессилен, немощен. Небо литургии звездами похвалы Преображению Господню сегодня украшено. То тропарь, то стихиры, то кондак. И — «величай, душе моя, на Фаворе преобразившегося Господа» — многократно выпеваемое. Чуден и жизнеподателен свет Христов.

...Лик Его был светел, как солнце, и одежды белы, как снег[49]...

И нет в мире ничего светлее Христова лика. Того ради и зовем Ему всегда: «Просвети лице Твое на ны, Христе, Свете истинный, да знаменается на нас свет лица Твоего»[50]... Христос свет, и вера Христова свет. И чудо Божие, оставленное еще на земле, — Божественная литургия, она крылья подает нам: давай, полетим... Горé имеим сердца — зовет литургия. Всякое ныне житейское отложим попечение... Иже херувимы, тайно образующе[51]... Выше да выше сердце-то возносит святая обедня. Все чинопоследования служебны перед нею. Каноны, молебны, — святых славим, иконы почитаем. О здравии родственников бесчисленных поминаем. Божественная литургия орлиные криле сразу подает, сразу взмоет душа-та в златую высь небесную. Вот литургия оглашенных, всё Христа Света единого единственного, единую благость, единую жизнь нашу, Христа Всемилующего, неизменяемого, всё Христа, всё Христу Свету поем: «Единородный Сыне... Придите, поклонимся и припадем. Спаси ны, Сыне Божий». И по Христове Евангелии с херувимами нас ставит в ряд Церковь Христова, обедня честная[52]. И дальше что ни возглашение, всё как молний блистание. И уж Его самого воушию слышим: «Примите, ядите, пийте от нея вси...»[53] И — небо отверзается: «Твоя от Твоих»[54], — иерей возглашает... Всё пречудно и страшно...

А сегодня, говорю, какими алмазами украшена святая литургия! Чудные стихи антифонов, многократно припеваемые, сначала: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас. Осветиша молния Твоя вселенную, подвижеся и трепетна земля... Горы Сионския, ребра Севе-

ра — град Царя великаго. — Спаси ны, Сыне Божий, преобразивыйся на горе поющия ти, аллилуйя». А стихи 3-го антифона как расцветшею розою проложены пением тропаря: «Преобразился еси на горе, Христе Боже... Господи, кто обитает в жилище Твоем, или кто вселится в гору святую Твою»[55] и тропарь.

В праздник входишь в храм, и уж готов тебе пир, сладчайшее угощение, яства сахарные и пития медвяные всегда готовы тебе у матери Церкви. Одна Церковь знает, в чем счастье человеческое. Одна только Церковь Христова укажет тебе, к чему надо прилепиться душой, чтоб жить счастливым в сей страшной юдоли. Вот сегодня Церковь Христова, матерински объемля нас, поет многократно, поет и нам велит петь: «Величай, душе моя, на Фаворе преобразившагося Господа».

Благо тому, кто здоровье-то телесное, телесные-ти силы не расточил, как я дотла расточил их в молодости. А вот теперь стою у святой литургии в такой праздник. Слышу: «Горé имеим сердца». Хочу махнуть крылом-то пошире, хочу взять повыше, а не тут-то было. Охота бы взять соколóм, а гузно-то кошелем. Огруз, отяжелел, слаб, малосилен. Как лошадь опоенная. Сколько кнутом ни стегай, она только топчется на месте, а уж не побежит вскачь.

Ретиво я работал греху, уйдя в страну далече из дома отчего. Все силы душевные греху отдал, всё вдохновение впусте истощил. Теперь, как пропали силы те, притащился в дом отчий, а уж приходится тут жить дармоедом. Уж не оставил я сил Отцу-то, дому-то Отчему поработать. После обедни простая на вид, обыкновенная такая женщина воскликнула, прижав худые, загорелые, рабочие руки к груди: «Господи, какая радость вот тут! Господи! Какие мы счастливые!» И как расцвело некрасивое ее, немолодое загорелое лицо...

А я стою «уши врозь, дугою ноги, и как будто стоя сплю...»[56]

А это правильно я догадался не бродить по службе по храму, а отойти, унеся в себе, с собою, что в силах был от святыя службы взять... Кругом храма там трамвай немолчно лязгает, радио воет, публика бежит или стоит в очередях. К алтарной стене прильнул садик. Трава, деревца молодые... небо лазурное с облаками; перекрытия и купола величественного храма. Отвернешься от базара, видишь только стену храма высокую, веточки нежные, лазурь небесную и облака над домом Божьим. И думаешь: «Слава Богу о всем».

Сказано: лучше одно «Господи, помилуй» в соборе, нежели сто молитв у себя дома. Конечно: великое дело соборное моление. «Брат от брата помогаем, яко град тверд»[57]. Но при моей душевной неурядице, при моей разболтанности, несобранности я и о людях тоже думаю. Мне кажется, что каждый стоит сам по себе. Мужчины стоят вперемешку с женщинами, устава о крестном знамении и о поклонах не соблюдают. Кто пал, кто встал... Правда, в наши дни не только враждебно настроенные, но и равнодушные не пойдут в храм, но и настроенность у стоящих в храме быстро срывается малейшей причиной. Но, конеч-

но, это исключительно моя вина, моя беда, что я-то настроенность свою и у святой литургии стоя, и в Христов праздник быстро и часто роняю и с трудом подымаю. Середь храма встану — толкают, и всё развлекательно: свет со всех сторон, людно со всех сторон, священнослужители бритоусые, хор под ухом концерты выделывает, сопрано визжат, ежеминутно свечечкой стучат в плечо... За углом место выбрал, понравилось: хоть не видно, да слышно, не толкают. Знай слушай службу. Ни ты людям, ни тебе люди не мешают. Можно ослониться о перила киота, ино ногам не так трудно. Калечные ноги не так одолевают. А то ведь постоишь малость да и начнешь кряхтеть: кабы присесть, а присесть всегда негде. А тут, говорю, можно о перила облокотиться. Слушай да слагай Божье слово внутрь себя. Дак опять от усталости ли, от лени ли восприятие-то быстро притупляется. Иное ведь сердце — земля, а иное — песок. А я — тина, болото.

Огруз, говорю, отупел. Быстро утомляюсь на людях, даже в храме, вот излишние вычуры и галантерейные украшения иконостасов, киот как бы мешают, концертные сопрано хора разбивают. Ладно ли это, что я вот и тихими переулками идя к Петру и Павлу, больше, м<ожет> б<ыть>, острее Страстную и Светлую недели ощущал, нежели в храме у службы. И сейчас с каким-то отдохновением вспоминаю, как я сидел в садике у стены храма и глядел на голубизну неба над куполами... И как хорошо бывает в тиши ночной вздохнуть, смотря звездное небо, внимая тишине...

7 августа, четверг

В саду церковном круглый год цветы благоухают, пресладкие спеют ягоды. Иная седмица подойдет, как звездами усыпана лю́быми тебе памятями. Вчера боголепное было Преображение (престол на Соловках, на Валааме). Сегодня, 7-го, обретение мощей святителя Митрофана Воронежского и преставление иеросхимонаха Оптинского Антония, игумена Малоярославецкого. А завтра Зосиме и Савватию Соловецким память.

Книгою писем о. Антония долго я жил. Светлый, ясный ум, сердце милующее, необыкновенная доброта, ласковость, чудесный, добротный такой и важный по-старинному и в то же время домашне уютный язык писем Антония неподражаем. Читаешь и чувствуешь аромат старинных низеньких комнат с вымытыми полами, мебелью времен дщери Петровой; цветы на оконцах, Божие милосердие по углам и стенам[58]. А у о. Антония еще книги, книги... В оконца келлии сквозь листы герани, фуксий видна белая монастырская стена, старые яблони... Язык писем, дух, аромат писем о. Антония воскрешает целый мир, удивительный быт России до половины XIX века. У себя на родине, в старом далеком городе, я в XX столетии застал этот быт. Письма о. Антония б<ольшей> ч<астью> к его детям духовным. Писаны

в 40-х — 60-х годах XIX столетия. Но до чего же всё в них для меня живо, светло, весело, приветливо, благоуханно...

Вырванный из любимой обители на подвиг игуменства в М. Ярославец о. Антоний вернулся в любимую пустыню в 1859 году, где и жил «на покое» до кончины своей в 1865 году (7 авг.). Он болел ногами; отекшие, изъязвленные ноги еле позволяли ему двигаться. Но как же он всегда был благодушен, светел, любвеобилен. Последние годы как бревна лежали его раздутые ноги, отекал живот, он не мог сам ворочаться на койке. Келейник с содроганием перевязывал неизлечимые, ужасные раны ног. Но какое светлое сияние излучал благостный лик старца, какой тихий свет струился из его очей. За год до кончины старец всем отворил двери своей келлии, хотя страдания его усилились. «Где печет наше красное восхожее солнышко? — спрашивали приходящие в обитель богомольцы. — Где сидит дорогой наш батюшка?» А батюшка, тяжело дыша, обливаясь потом от мучительных болей, всех принимал простертыми объятиями. Старец Антоний Оптинский был страдалец (как страдалец был и о. Амвросий, да ведь и о. Лев-Леонид[59] не мог ходить, и о. Макарий[60] был косолап и был заика), но он забывал свои страдания, днем утешая в страдании других, ночью молясь Распятому, взирая на Его язвы.

Вот какие старцы жили в русских обителях в XIX веке. И таких старцев был целый сонм не в древности, а в XIX веке! Были и жившие в дебрях, в расселинах земных, молчальники, неведомые миру. Были жившие в монастырских корпусах, в кельях с занавесками, с стульями, с геранями на оконцах. Но благоухание святыни, но подвижничество сияло и в монастырских корпусах таково ж, как и в землянках.

25 августа, среда

Прошли дни Богородичны.

...Дни... Как хорошо. Пятница, суббота и воскресенье о Ней были. Словно тихая музыка звучала над Ея благоуханным гробом. Роза таинственная, лилия небесная — поет о Ней Церковь. И храм благоухал в цветах. Ароматы цветов, сияние свеч, струи фимиама и гроб. Гроб Матери Жизни... И «гефсиманский чин» Ея погребения[61]. Гроб Богоматери... Погребение Божией Матери. Стоял в хороме этот чин, и текли слезы от жалости какой-то острой и светлой. Что более живо, чем имя Матери Жизни? Чей кроткий прекрасный лик смотрит на нас с иконы в храме или дома? Кому мы утром рано и вечером поздно поем, с кем беседуем, хоть на минуту подойдя к иконам, кому вздыхаем, на кого взор возведем? Всё к Ней, всегда о Ней, Матери Божией.

И каково же сердцу слышать рыдательные стихиры, надгробные стихиры Богоматери.

«Егда сниде к смерти, Живота безсмертнаго Мати»...

Царица Небесная, Владычица — образ, окованный в ризах. И другой образ Ея, нежный, живой. Древний, древний, потемневший от

скорбей рода человеческого лик Ея на святых Ея достопоклоняемых иконах. Уж и не различить лика-то, темен от древности, токмо риза сребропозлащенная сияет.

Апостолы, «как лист по ветру», принесены были к смертному Ея ложу проститься с Матерью Жизни. И вот мы, через века, забыв время и пространство, вот и мы стоим сегодня у Ея гроба, растолкали толпу веков и припали к Ея гробу. Исчезло время, растаяли века и времена. В Боге всё вечно, всё теперь, всё здесь. Перед сердцем твоим горящим расступилась толпа веков, рухнули неохватные стены истории. И ты видишь Ее, только что очи смежившую. Рыданиями прерывают пение свое апостолы. Звенит кадило в руке Петра. Тихо поет он, покойно его старческое лицо. Пускай бегут слезы, не морщится лицо галилейского рыбака. Он сам скоро пойдет в тот свет, куда отошла Мать Того, кого Петр возлюбил паче всех.

Но что же ты рыдаешь, припав к Ея стопам, что же ты так страстно рыдаешь, божественный Павел? Ты поэт, ты философ. Петр и Павел, что вы плачете?

— Я не плачу, — говорит Петр, а слезы всё текут. — Апостол любви Иван плачет, Она жила у него, Павел плачет, сердце Павлово, вселенная плачет, провожая Ее. А я не плачу, я сюда на крилах ветра летел, это от ветра слезы видишь у старика. Я одинова плакивал, помнишь, когда алектор трижды возгласил[62]...

И опять звенит кадило и голос Петра:

— Благословенная Владычице, просвети нас светом Сына Своего.

С Петром что не разговаривать. Он день лазурный. Солнце ты, Петр. Что тебя не хвалить в лицо, тебя мир хвалит, на тебе Церковь, ты камень вечный, надежно с тобой. И просто с тобой. Сто́ит к тебе приступиться, а там грейся в твоих лучах. Может, и стукнешь в сердцах, рука у тебя твердая.

Ино мне вот еще куда надо — к Павловым стопам сунуться. Павел это брада темная, лик бледный, горбонос, лыс Павел, как не узнать... Вон, вишь, на иконе пророки и святители, Византия Павла узнала, греки, Африка узнала, V, X, XV века, Рим... Киев, Русь — все его узнали, Павла великого, Павла божественного. Два тысячелетия ежедень его слышим. А вот и свиделись на погребении Богородицы. Как ночь со звездами коснулась ног Пречистой, Павел, Павел, уста Христовы, Павел огонь, Павел вдохновение, Павел мудрый, Павел рыдает, провожая Матерь Жизни.

То место облобызал, где стопы его, мир обошедшие, стояли. И сын грома[63].

29 сентября, понедельник

Ореол одиночества озаряет личность препод<обного> Савватия Соловецкого. Иной характер имела жизнь и деятельность двух других

главных святых Соловецких — Германа и Зосимы. Герман не сидит долго на одном месте. Он всю жизнь устраивает, хлопочет, беспокоится о тех, к кому прилепился сердцем. Он и умер в дороге, возвращаясь из Новгорода, куда ездил хлопотать за свою обитель. Препод<обный> Зосима — это матка в улье. Он, как только ступил ногою на остров, сразу начал строить обитель, сам ронил лес, сам строил кельи. Богатый, но пустынный, дикий край. В дебрях, в тундрах кочевали финские племена. Белое море, великие реки. «Пусть это всё будет Святая Русь», — говорит Зосима и строит на диком Севере оплот культуры христианской, культуры русской. Великая Русь, стряхнув татар, начала расправлять члены, собираться с силами, осматриваться. Великая северная страна от Урала до Скандинавии предопределена была великому, могучему народу, естественно она входила в состав великого государства. Воссияла на Севере Соловецкая обитель, и великий край получил душу, стал частью могучего организма, Север стал частью Святой Руси. Север оживился духовно. В дебрях исполинской страны, еще полуфинской, засиял маяк древнерусской культуры, по существу европейской и христианской.

Таково дело, таков подвиг народный и государственный преподобного Зосимы, помимо того, что лично это был святой подвижник. Зосима, как и преп<одобный> Савватий, был ярким светилом того великого созвездия преподобных иноков XIV—XV веков, во главе которого сияет ангел России преп<одобный> Сергий.

Препод<обный> Савватий был великий пустынник, безмолвник, отшельник. Он «един, уединенный», всю жизнь бегал славы, бегал лица человеческого, молвы человеческой, дел мирских, всегда связанных с суетой. Преп<одобный> Савватий всю жизнь «настоящего града не имел, грядущий взыскуя»[64]. Савватий видится как одинокая горная вершина, сияющая неприступною вершиною вечных снегов. Благоговейно, издали любуешься на эту пренебесную вершину. «Горé имеим сердца», — доносит оттуда ветер литургийный возглас.

Преподобный Савватий...

Великий...

Он всю жизнь бежал от мира, от всего, яже в мире[65]. Он бежал и от благоговейной любви собратий иноков. Савватий остается одиноким, как горная вершина. Но как она близка к Богу! Сколько бы раз ни возвращался думою к этой горной вершине, далекой от мира, всегда вместе с этой думой о святом точно слышишь пение херувимской песни: «Всяку ныне житейскую отвержем печаль»[66]. Воистину ангел земной был преподобный и богоносный отец наш Савватий, начальник Соловецкий.

Герман, сопостник Савватиев, проведший с ним несколько лет, Герман, любящий, ревностный, благоговеющий к великому сопостнику своему, очевидно, жаждал, чтобы столь яркий светильник, как преп<одобный> Савватий, еще при жизни, еще здесь, в теле, на земле

был наставником, руководителем монахов. Герман, очевидно, мечтал об устроении обители под началом такого великого подвижника. Герману хотелось как-то успокоить и маститую уже старость Савватия. А ведь им никто не помогал. Девять месяцев в году остров отрезан от матерой земли, от людей. Герман хотел, чтобы у старца было теплое жилище, одежда, пища. А на острове — они двое. И вот в лето 1435 Герман «нужных ради потреб» выплыл на матерый берег. Но великий старец в это же лето был потребован к почести высшего звания. Не дождавшись Германа, «един уединенный» Савватий уже в глубокую осень тоже переплывает морскую пучину, чтоб, встретив священника, причаститься св<ятых> тайн и почить здесь же в прибрежной часовне.

В «Патерике скитском»[67], где собран сладчайший мед от житий древних преподобных отец, говорится, что некий инок жаждал знать, который из двух великих отцов — странноприимец Макарий или анахорет Арсений более угодил Богу. И этот испытующий инок имел видение. Сначала проплывает перед ним корабль Макариев. Он полон ангелов и цветов, слышна сладчайшая музыка, сладкое пение. Ангелы обсели Макария, как венки благоухающих цветов, ангелы беседуют с Макарием, кормят его райскою пищею...

Этот нарядный корабль проплывает. В мире восстает великая тишина. Тишина торжественная, неизреченная. И вот проходит корабль Арсениев. И в нем только Арсений и с ним Дух Святый, Царь Небесный Утешитель... И в тишине великой пренебесной, в тишине надмирной светом неизреченным закрылось видение второго корабля.

Сюда можно применить и Соловецких святых. Первый корабль, корабль Зосимы игумена, собравшего «монахов множество», а второй корабль — корабль пустынника Савватия.

1 октября, среда

Покров Божией Матери... «Тя бо виде святый Андрей на воздусе»[68].

Вне Церкви всё пусто, всё мертво, всё ничто, всё страшно. И сами богоотрицатели, отымая от небес Бога, не знают, что же там, путаются в стратосферах, а дальше... Что же дальше могут знать комары убогие, пискающие над болотом и воображающие, что тут и весь мир...

Ученые предлагают нам «астрономические цифры», вычислены у них расстояния межпланетные. Дух у них у самих захватывают эти неописуемые цифры. Но если спросить их: а за этими планетами что? А откуда началось это всё, звездные эти миры? — Они де всегда были. — А до «всегда» что было? А конец будет? Или вечно эти звезды — планеты и миры будут стоять? — Изменятся и снова начнутся! — Значит, вечно?

В том-то и дело, что не дано человеческому уму многого постигать. К счастью для большинства безбожников, они, как и подобает

скотине, никогда не задаются вопросами: когда мир начался? когда мир кончится? Безбожникам не кажется знаменательным бессилие человеческого ума в этих столь важных вопросах, вопросах о начале мира и конце мира. И каждый честный ученый здесь говорит: scio, quid nescio[69].

Два пути тут: либо остолбевать перед этой беспредельной пустотою, обалдевать перед нерешимостью этих вопросов (истинные дети сатаны здесь скаредно предпочтут сойти с ума, чем признать Творца Бога).

Стяжи любовь к вере и к Церкви. Полюбив веру и Церковь Христову, зайдя в ограду церковную, живи с Церковью. Узнавай, испытывай; бесчисленные, бесценные, животворящие, чудотворные, неистощимые сокровища Церкви да не будут для тебя втуне. Твори дела веры, дыши воздухом Церкви Христовой. Что касается личной жизни, то... Ведь ты видишь, что мир сей — юдоль плача, юдоль скорби. Льются слезы, мир утонул в злобе. Злобу, смерть, несчастье, мрак, ложь, пустоту, отчаянье принесли в мир *вожди слепые*. Проклятые учения их завели род человеческий в тупик, в яму, в смерть самоубийственную. Ограбленные духовно и телесно люди не видят, где свет. Плачут дети, плачут старики. Этим людям укажи путь в церковь Христову! Иди к ним с именем Христа на устах. И вот тут ты и сам узнаешь, какое счастье вера Христова. Нищий, плачущий, изгнанный, обруганный, отчаянный, но алчущий и жаждущий найти Бога, вот тут-то ты и возопишь с Андреем: «Обретохом желаемого!»[70] Сам Христос заверил: жаждай и алкай Меня и получишь насыщение блаженное[71]. Твое дело жаждать и алкать, искать Христа твое дело. А уж дальше Господь свое дело сотворит. Кто к Богу, к тому и Бог.

Христа надо взыскать, Бога надо заработать в душу.

Великое, пречудное доказательство бытия Божия — звездное небо над нами. Природа, вселенная — всё это чудная книга, дивным языком поведывающая нам о Боге. Но сначала подвигом добрым, подвигом скорбным и трудным, подвигом, м<ожет> б<ыть>, многолетним стяжи себе Бога в сердце. Первее всего получи Бога в сердце свое. Этим получишь внутрь себя и Царствие Божие. (Т. е. славу свою, т. е. счастье свое, мир и радость неотымаемую.) Тут уж и на всё твои глаза откроются. Поймешь, что атмосферами и стратосферами могут всерьез интересоваться разве студенты первого курса. Наука (в ее современном состоянии) никак не поможет. Никак не утешит мир, забывший Бога.

Все эти, ныне провонявшие, как мертвый пес, *социализмы* и *коммунизмы*, примененные наконец на практике и показавшие, что никакая чума, никакая проказа, никакой мор ничто в сравнении с этими «теориями», казавшимися многим поколениям столь обольстительными, все эти *-измы* исчерпывающе и до конца показали свою гнусную, смрадную, человекоубийственную, сатанинскую харю. Люди оскотинились, остервенились, озверели. Ложь, обман, жадность, зависть, на-

силие, подлость, несытая злоба, преступления — вот в чем от края до края утонула несчастная Германия. Но даже (что невозможно) если бы фашистам удалось устроить материальное благополучие в стране, где они захватили власть, всё равно без Бога счастья бы не было. Без Бога и сытые люди были бы ходячими мертвецами. Счастья бы не было.

Кому это надо: кислород да водород, космическая пыль да межпланетные пространства. Всё это пыль, и никому от этого не тепло. Это всё чужбина скаредная и окаянная. Это всё болезнь, это нищета, это плен самый страшный. Бежим из этой мертвящей пустыни, из этих проклятых пустырей, из этого ада безбожия, где один только плач и скрежет зубов.

Убежим в дом Отчий, уйдем под лазурное небо Церкви Христовой. Здесь с овчинку покажутся тебе ихние стратосферы. Здесь, под благодатным небом Церкви Христовой, недосуг тебе будет заниматься «безвоздушными пространствами». Хай, гам, лязг, шум всяких погремушек (лженаука и т. п.) будет отходить от тебя всё дальше и дальше. Душа твоя (а душа человеческая по природе христианка) начнет наконец (Христу помогающу) вспоминать звуки небес, вспомнит объятия и песнь ангела, несшего ее в этот мир печали и слез. Да, звуков небес не могут заменить скучные песни земли. Но слух к слышанию звуков небес отверзает на земле вера Христова.

Вот дивный пример: святый Андрей Юродивый[72]. Еще юношей он вспомнил звуки небес и страстно о них стосковался. Босой, нагой, юродствующий, бездомный, лишь в мороз залезавший в собачью конуру, чтоб погреться, Андрей был страшен и дик для мира, среди которого жил.

...Вот Андрей стоит середи базара, его толкают разносчики, стегает кнутом возница, в него кидают грязью дети. Он никого не видит и не чувствует здесь. Он внимает чудной музыке, он слышит песнь славы Господней, звуки небес. И кто как не он, полный «желания чудного»[73], кто как не он, ради этого «желания чудного» презревший всякое земное довольство, кто как не он, блаженный и преблаженный, достоин был в небеси подобной церкви Влахернской услышать херувимское пение и увидеть Едину Всепетую, Едину Благословенную, покрывающую мир своим омофором[74]. Мир, вселенная покрыты омофором Богоматери, а «стратосферы» — пустые.

2 октября, четверг

Ежели бы каждый день прочитывать, вживаясь в Минею четью, дак и вовсе будней бы у нас не было. А ежели б время и обстановка позволяли Минею служебную петь ежедневно, то праздник бы ежедневно у нас был... Каждый день в Церкви «помазанный», каждый день благоуханный.

Прежде на всё хватало времени у людей. И на молитву, и на работу. Я знал семью: отец или сын находили время за семейным столом ежедневно вычитывать Пролог, а часто и Четью минею. Семья была рабочая.

...Повинуясь *растлевающей пропаганде*, люди стали леностны к Богу. Канун праздника гуляли, в праздник спали. Интеллигенция раз в год заглядывала в храм: в Христову заутреню для настроения постоят у церкви. Тогда ослабших, равнодушных к Богу попробовал взнуздать сатана. Раньше, видите ли, «скучно» было жить. Нечем было «заполнить» жизнь. Люди не знали, как «убить» время. Дьявол как обуздал всех, да охомутал, да как начал понукивать, да как начал кнутом погонять, шибче да шибче... Ну и забыли мы, что значит «скучно» жить да «некуда время убить». Праздников не почитали, говорит сатана, долой праздники! Сквозь будни. К церковным службам лень было ходить, непонятно там всё? *Ломай* хоромы, нет вам ни служб, ни таинств. *Монахи* ведь были «развратники и дармоеды», попы ведь «драли с живого и с мертвого». Вот и нет вам ни монахов, ни попов. Да уж теперь бы и захотел, дак не до церковной службы, не до молитвы. Мало не весь род *русский* за своего *врага* лютого, за своего *кровососа* и *душегуба кровь проливает*. А в городах остатние люди с *голоду умирают*. И уж ни охнуть, ни вздохнуть. Враг на шее сидит с погонялкой. Знай, бежи, бежи, бежи!

...Мне же благо есть прилеплятися Богови, возвещати заутра милость Его[75].

6 октября, понедельник

...Всё так: начнешь писать, вздумаешь мысль какову изложить в назидание, да и не поспеешь. Нету времени свободного. Брат то с дровишками колотится, то на «буржуйку» кирпичи носит, то глину добывает (всё на себе, всё на своем горбу); Миша[76] печку изваял. С крыш бомбежкой железа нанесло, из него трубы гнет... Брат скомнет[77], где б листу капустного достать.

И я около них. То у посуды, у уборки... И взаимодавцы восстают: Литфонд судом грозит: «Ты должен, верни ссуду, та нужна недостаточным...» У нищего суму отымают... Ведь «недостаточные» получили светлые квартиры, настроили дач, а я так и ослеп, в яме сидя. Теперь «недостаточным» на вина не хватает, дак с меня взыскать грозят «судебным порядком». Пусть описывают: у меня ни кровати, ни одеяла, ни в чем выйти на улицу.

...Час спустя... Начал, пишучи, кунявить, на судьбу жалобиться, что де у иных дачи да квартиры, а у тебя нет, что (уж ты ли не достоин!!!) а живешь не взыскан... И бросил жаловаться, и взял Минею. Напал на житие св. Гурия, архиепископа Казанского[78]. Как он невинен «в ров» был брошен и два года в яме сидел, а не пороптал, и Бог сам ему двери

отворил... Великая помощь, вразумление великое, назидание блаженное нам жития святых. И то малоумно с моей стороны, что память того или иного угодника, праздник тот или иной я как бы украшением, орнаментацией дня считаю. Не могу я, очевидно, избавиться от того, чтобы откуда-то со стороны любоваться днем церковным. Эстетствуя, любуюсь... А жизнь такова, что не до эстетства! *Война*, смерть кругом, болезни... (сегодня сороковой день Марье Васильевне, «невесте». Как не бывала!) и голод, голод, голод. Брателко в куски рвется, всячески свыше сил бьется, добывая, а я в эмпиреях пребываю.

...Не орнамент, не украшение дня память святого (а вернее, нескольких святых ежедневно). И житие каждого, о, какое вразумление, какой свет!

<Без даты>

Хоть не спит, а крепко смежит тысячи своих глаз город. И как только смежит глаза город, откроются очи неба. Бывало, домы эти пучат бельма в темноту и мешают видеть небо и звезды. Теперь одни звезды смотрят в темноте. К ночи умолкает город, но говорит небо. Вот тужил, что в церкви то то, то другое сбивает настроение. В оной церкви нерукотворенной ничто не мешает, ничего не видишь, кроме чертога Твоего, Господи, украшенного звездами. Ничего, кроме тихого сияния вечных.

Каждый день в церковь не побежишь, дома некогда бывает, как в тщете улучить минутку, чтоб воздохнуть к Создателю. А вот в пустынный двор к ночи выйдешь, по сторонам стены протянуты, но простерто небо Господне над тобою. В тучах оно или в звездах, подымешь лицо к небу и воздохнешь. Ни стены, ни потолки, ничто не загораживает, не отгораживает от оного света. Ветер пронесется, и опять тихо.

Уж никого нет, кроме тебя да Сущего на небеси... Ты да Бог только и есть в мире.

Накатится облако, низко станет небо. «Преклонь небеса, и сниде на землю»[79]. Думается, низко облака легкие плывут и близко, низко небо, близко помышление Сына Божия, близко Он приходит к нам, Его призывающим. В лесу, в полях, вот так глядя в небо, когда город утихнет, хорошо вот так беседовать с Ним, поминать Его, Света, близ сущего, и беседовать с Ним, говорить Ему о любви своей к Нему, красоте светлой, хвалить Его.

Церковь Христова свидетельствует тысячами благословенных книжных<?> святых житий, что близ Он призывающим Его. И я знаю, что слышит Он меня.

Двое у меня в мире, две любви крайнейшие<?>, два света светят, и брателко на сем свете, но и он Им, светом, дан. И брателком пречудно Он говорит мне: «Это Я». Вот, Господи Иисусе Христе, свет мой

и жизнь моя, во всем Тебя величить<?> дерзаю. Ты везде, Отче Создатель и Устроитель, во всем. У литургии прямо Твой глас слышу: «Пийте, ядите». Мы Твои люди.

14 октября, вторник

10-го октября и 11-го октября светлая, светлая память задевала голубиным крылом. Преставление Оптинского старца Амвросия и на другой день Льва — Леонида. Дни-то оба в молве, в бою прошли. Печурку Миша стяпал, я убирался — грешил. А откуда-то всё навевало звоны тихие и пение.

Запоздал с доставкой материала для *военной* комиссии, модею[80] над этим, над этой пылью, а в голове, а где-то в душевных загнетах всё песня звенит. Вижу никогда не виданную пустыню Оптину. Лес вижу и благоуханье дерев, и цветов, и трав ощущаю...

Так вот лежали эти книги об Оптиной, и кабыть не до них было. (Что нищему до чужих богатств...) А вот наступили светлых два дня святой памяти, повеяло ароматом цветов неувядаемых оной блаженной пустыни, и взялся за книгу. Стал вычитывать о Льве, об Амвросии, об авве Макарии[81]. Сто лет назад отыде мира сего старец Лев. А читая о нем непространное описание в «Истории Оптиной пустыни», многократно закрывал я книгу сколько от утомления глаз, другастолько от полноты возникающей умному взору картины... Леонид, ученик его о. Макарий, скит, пасека, келлия старца, притекающий к нему народ... Он сам, страдая водянкой, сидит на кроватке, вяжет поясок... В темном углу лампады. А за оконцем тонут в кустах малинника, и крыжовника, и смородинника, в зарослях шиповника, душмяна, мяты тонут ульи. Жужжат пчелы, порхают мотыльки. Жаркое благоуханье трав и цветов дышет внутрь келлии старца...

Ученик и преемник учеников блаженнаго Паисия[82], целый ряд обителей на своем веку успел озарить светом старчества богоносный старец Леонид, но прежде чем отойти к оному немерцающему вечному свету, прежде исхода своего светит он святой, взыскующей небесного града Руси отсюда, из Оптиной пустыни. Отходя сего света, передает пасхальную свечу старчества другому ангелу земному, небесному же человеку, кроткому голубю, но и орлу небопарному — отцу Макарию. А Макарий эту свещу негасимую вручает выпестованному им Амвросию. И так до нашего времени. И я знаю, вижу детей духовных Оптинских старцев. И опять напомяну: вот у меня на стене висит образ, что находился в Казанском соборе Оптиной пустыни, в приделе близ гробов о. Моисея и Антония[83].

Жив Господь. Церковь Христова вечно юнеет. Вечно юнеет, вечно возрождается и живет всё, что в Церкви. Эти сто годов, что отделяют меня от времени земной жизни о. Леонида, не более существенны, чем туман, что был ночью сегодня, а утром исчез. Нету этих ста годов.

Я вот ступаю по той траве, по которой старец Леонид ходит, я (с иноком Парфением[84]) в сенцах стою, смущаясь войти в келью. Я не знаю, как меня отче встретит, пришельца из XX века... Передо мною низенькая, чтоб зимою не уходило тепло, тяжелая дверь, обитая парусиной по войлоку. Эта низенькая тяжелая дверь с высоким (чтобы холодом не тянуло с полу зимою)[85], эта дверь, дубовая, видно, за железную скобу которой я дергаю с усилием, и есть сто лет, отдалившие меня от старца, которого хочет любить сердце мое...

Я с усилием отворил дверь. И вот уж стою в келлии о. Леонида. Он сидит на кроваточке и смотрит радостно.

— Отченько мой! А где же эти сто лет?! Я из страшных годов века XX, а ты скончался в сороковые года века XIX!

А он поет: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

...Да, всё антихристианство, всё безбожие, всё, что дало столь зловонные, воистину адские плоды в наше время, быстро зарождается и быстро червивеет. Не успеет зародиться, а уж тленье смрадное погани этой видим. А что Божие, что Христово, то вечно, то присно юнеет.

...Душегубное, человекоубийственное семя, проросшее еще в XIX столетии, дурманившее ряд поколений, принесло наконец странный и скаредный плод. И уж валится поганая древесина оная, оные чертовы яблоки принесшая. И дивимся, чихая от гнили, на чем только что держалося. Одна ведь пыль да гниль. Развалился наконец гроб повапленный. И сами поклонники просмердевшего гроба видят ныне одни трухлявые кости. И уж мертвецы хоронят своих мертвецов, — уж пал и в их глазах их кумир. Ино пусть кол осинов потолще падали оной, на весь свет провонявшей вобьют. Конец им: уж и дьявол им перестал помогать...

Но оставим этот поганый овраг с мертвыми фашистскими вожами. Их свои ж рады скорее загрести.

Станем на запад хребтом, ко встоку лицом. *Власть* оных гнилых мертвецов безбожников<?> — это только угол, в который ткнула носом несчастный германский народ десница Промыслителя. Ткнула, чтобы расчухали наконец, чем пахнут и что такое эти все кумиры *революций*. А мы подальше отойдем от фашистского нужника. Его уж доламывают и скоро засыплют.

...Нива моя, нива, нива золотая! Зреешь ты на солнце, колос наливая. Над тобою с песней жаворонок вьётся[86]... Божья нива на земле — Церковь Христова! Здесь всё вечно, всегда здесь весна.

Жизнь во Христе, жизнь с Церковью — это живоносная, животворящая, жизнеподательная река, текущая еще в сей земной юдоли. Велика, необъятна, неоглядна эта река воды живой. Течет церковна она река в море сияющей вечности. Что нам до смрадного болота, до смердящих *революционных* учений.

Сияющее небо Господне отражается в Божьей оной реке. Тамо корабли прекрасные плывут. Се корабль Леонида отца, се Макария, се Амвросия. Хвали, душе моя, Господа! Восхвалю Бога в животе моем[87].

И паки реку: Церковь Христова — нива золотая на земле. Хлеб чист и животворящ приносит она роду человеческому. Кормят этим хлебом Христовым отцы наши старцы. Хлеб чист и сладок. Да еще медку отцы Леонид, да Макарий, да Амвросий положат на хлебушек оный со своей пасеки.

21 октября, вторник

Осень сейгод теплая. Снегу в Москве не видал. Дожди перепадают. Все колотятся с капустой. Тоська бочку насолил. Но о картошке нечего и думать. Цены от 70 до 40 р. килограмм. Иное весь день около печурки бьешься. Плитки воспрещены. Дивно, как у Тоськи сил хватает. Я по водку сходил, постоял там в череду, весь порвался. Без очереди меня брателко сунул. А я и денег не вижу сосчитать. У меня и голова заболела, я еще вчера, ставячи самовары, простыл (дым не идет в трубы, кои несколько лет не чищены. По-черному топим почти все комнаты. Двери настежь в сени. Из сеней на улицу. Меня и прохватило).

Привезли винишка домой, братец не раздеваясь полетел в аптеку. Принес 10 грамм вит<амина> «Д», подсолн<ечного> масла и глюкозы к чаю. Поев щец, поволок бутылку менять на еду. 10 вечера, его всё нет еще. И на чем держится. Хлеба по ломтику к выти достается.

Тревога за братишка, моего кормильца, и печальника, и заботника, тревога о голодной зиме, все недосуги, суета хозяйственная (дрова, посуда, уборка), чувство моей непрактичности, беспомощности, никчемности, угнетающая душу слабость зренья, — это всё мятет и борет меня, ничем я не помогаю семье. И мне даже странно и в теперешней убойной бытовой обстановке горестно <запись обрывается>.

20 ноября, четверг

Летят дни. Бежит время. Всё хотел настроения осени запечатлеть. А се уж и снеги белы давно пали. В снегах Москва. От всенощной брел переулками: будто и не Москва. Тишина... Ползешь сугробами, и дорога-та худо укатана.

Небеса черны́, земля бела́. Темнеют по сторонам сумрачные дома. Редко где свет сквозь ставню. Тихие, белые, безлюдные переулки. А время всего 7 вечера. Начинают вечерню в 4½. В темном небе мерцают тревожно, как зарницы. Брел любимыми переулочками, устану, постою. Вспоминал, как на Страстной ходил тут. Ручьи бежали вперегонку. Примечал, как обсыхала полуденная сторона улочки, а на другой еще упрямо лежал лед. Потом бродил тут летом. Теплый день, изумрудная травка, ребенок в веночке середи дороги играет, мать поет, сидя в глубокой амбразуре старого дома. А сегодня «Христос рожда-

ется» пропели[88]. Как ждал народ, как встрепенулся, перекрестился и дружно подхватил: «Христос с небес, срящите».

Выжат я, опустошен, избит жизнью. Уж косно внимает сердце службам церковным. Стоишь больше как деревянный. Страхом всё отбило... А ползешь потом домой, да улочки в снегах, да тишина безлюдная, будто где в каком старом, давнем городе.

С железной, для зимы, тросткой хожу. Подумают: старик идет. Согнусь да ширкаю ногами-то...

«Христос раждается», Рождество через месяц... Детство вспоминал. Каким событием было там, тогда, в родном городе: «Сегодня "Христос раждается" запоют»... Как сладко, бывало, забьются сердца, услышав заветное: «Христос раждается». Ведь, значит, скоро Рождество.

...И вот *теперь*: неживые, опустошенные, искалеченные, отчаянные, пропащие, растоптанные, обреченные, дотла замученные люди, мы еще грабимся костенеющими руками, грабимся хоть за воспоминания детства. *Умирая* с *голоду*, прежде чем загнуться, всё еще хватаемся жадно за Рождество. Пусть проморожена комнатенка, пусть свекольный бот на воде вм<есто> обеда сегодня[89]. Пусть брателко купил кусок *сахара* на улице и у него взяли *документы*, и сидим, трясясь, а я *колочусь* головой о стол, как никого нет... Пусть смерть близка. Сегодня пропето «Христос раждается». И хочется ухватить эти, как далекая музыка налетающие благоуханные воспоминания. Хочется ухватить их и на крыльях их унестись в блаженный мир, в ту страну, где ждут праздника, где сердца *детей* замирают в предвкушении елки. Ведь уж «три царя из стран далеких»[90] пустились в путь. Издалека они идут, чтобы вовремя вместе с нами припасть к яслям.

...Вот так, бывало, в родном городе идешь в эту пору от всенощной, а то оттуда, то отсюда навевает теплым ароматом пряников. Это пряничники «козули» к празднику пекут. Скоро Рождество. Радуйся, велю<?>, печали сопротивно. Мы сами себя ослабили, сами себя разорили, сами себя уничижили, обессилили, мы уж не можем взять вечного оного богатства, Рожества Христова. Рожество как корабль многоносный заподходит скоро к нашему берегу, а мы отупели, нам уж не вместить. Мы как собачки голодные. Что нам царственные дары, мы ловим кусочки гнилые у помойных ям.

---

[1] В рукописи даты, а во многих случаях и другие числа, записаны кириллицей. Даты в дневнике даны по старому стилю. Для Шергина это важно, так как он продолжал жить по православному дореволюционному календарю. Также Шергин частично сохраняет дореволюционную орфографию, используя и десятеричное, яти, еры, иногда пишет в окончаниях прилагательных «-аго», а не «-ого», употребляет дореформенное написание притяжательного местоимения «ея» вместо «ее», однако делает это непоследовательно, часто используя современные грамматические формы и орфографию. При подготовке дневников к публикации архаические формы сохранены лишь в принципиально важных случаях (в прямых и косвенных цитатах, в церковной лексике и др.).

[2] Преподобный *Кирилл Белозерский* (Белоезерский) (1337—1427) — основатель Кирилло-Белозерского монастыря (1397), ученик преподобного Сергия Радонежского, память совершается 9 июня (ст. ст.).

[3] *Святитель Василий Великий* (329/330—379), епископ Кесарии Каппадокийской, один из трех Вселенских святителей, автор последования Божественной Литургии.

[4] *Святитель Григорий Богослов* (325/330—389/390), архиепископ Константинопольский, богослов, один из трех Вселенских святителей, близкий друг и сподвижник Василия Великого.

[5] *Святитель Николай* († 342), архиепископ Мир Ликийских, чудотворец.

[6] *Святитель Кирилл Александрийский* (376—444), архиепископ Александрийский, отец и учитель Церкви, автор большого количества трудов, посвященных библейской экзегезе, апологетике и догматике.

[7] *Хрисостомос Иоанн* — Иоанн Златоуст (*Хризостомос, Хризостом;* Златоустый — *греч.* Χρυσόστομος; ок. 347—407) — один из трех Вселенских святителей и учителей.

[8] Между предлогом «в» и словом «саду» в рукописи помещен миниатюрный рисунок православного храма; предположительно фразу следует читать именно так: «в церковном саду Христовом».

[9] *...пришедшу на запад солнцу...* — Шергин часто приводит в своих дневниках эти слова из песнопения богослужения вечерни «Свете тихий» (дореформенном, дониконовском написании — «пришедшу солнцу на запад»; в пореформенном — «пришедше на запад солнца»), как и другие строки из этого древнего гимна Спасителю.

[10] *«Яко кадило пред Тобою»...* — «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя» — начальные строки 140 псалма, исполняющегося в православных храмах на вечерне, а во время Великого поста — также на литургии Преждеосвященных Даров.

[11] *Поне* — по крайней мере, хотя (ц.-сл.).

[12] *Брателко* — так Шергин называл *Анатолия Викторовича Крога* (1895?—1959), по неподтвержденным сведениям, — дальнего родственника Шергина по материнской линии.

[13] Нило-Сорская пустынь основана в конце XV века в 16 км от Кирилло-Белозерского монастыря преподобным Нилом Сорским (1433—1508), основателем скитского жительства на Руси.

[14] *Александр Свирский* — игумен основанного им в конце XV века Александро-Свирского монастыря, преподобный (1448—1533).

[15] *Ферапонт Белозерский, Ферапонт Можайский* (в миру Феодор Поскочин; 1337—1426) — преподобный, почитается как чудотворец. Основатель Белозерского Ферапонтова и Лужецкого Ферапонтова монастырей.

[16] *Мартиниан Белозерский* (в миру Михаил Стомонахов; ок. 1400—1483) — преподобный, ученик преподобного Кирилла Белозерского; основатель Вожеозерского Спасского монастыря, игумен Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей.

[17] *Насон-град* (Насон-город, Иасон-город) — по легенде, одно из названий Вологодского кремля и города Вологды.

[18] *Василий Дмитриевич* (1371—1425), великий князь московский и владимирский (с 1389 г.), старший сын Дмитрия Донского.

[19] *Андрей Дмитриевич* (1382—1432) — князь можайский и белозерский (примерно с 1400 г.), сын Дмитрия Донского.

[20] *Мыт* — одна из древнейших русских пошлин, которая взималась за провоз товаров, проезд людей через заставы у городов и крупных селений.

[21] *Купа* — в Древней Руси денежная или натуральная ссуда, выданная кому-либо в долг ростовщиком или землевладельцем на том условии, что для ее возврата должник на какое-то время попадает в зависимость от своего кредитора и работает на него. В случае неуплаты долга заимодавец имел право сделать несостоятельного должника своим холопом.

[22] *Георгий (Юрий) Дмитриевич* (1374—1434) — князь звенигородский и галицкий (с 1389 г.), великий князь Московский (1433 и 1434), сын Дмитрия Донского.

[23] *Та́и* — тайно, скрытно, незаметно *(ц.-сл.)*.

[24] *...«днесь всяка тварь веселится и радуется».* — «Днесь всяка тварь веселится и радуется, яко Христос воскресе и ад пленися» (запев на 9 песни утрени Пасхального канона).

[25] *«Да празднует убо вся тварь восстание Христово...»* — «Ныне вся исполнишася света, небо же и земля, и преисподняя: да празднует убо вся тварь восстание Христово, в немже утверждается» (Пасхальный тропарь).

[26] *Пасха таинственная.* — См.: стихиры Пасхи: «Пасха священная нам днесь показася; Пасха нова святая; Пасха таинственная...»

[27] Шергин ниже пространно (но не дословно) цитирует «Книгу толкований и нравоучений» (толкование на 55 и 12 главы Книги пророка Исаии) протопопа Аввакума, созданную в 1670-е гг. в земляной тюрьме Пустозерского острога.

[28] *...(Русск. историч. биб-ка. Т. XXXIX. Акад. наук. стр. 524—526).* — В 39-м томе (1927 г.) «Русской исторической библиотеки», издававшейся Археографической комиссией АН СССР, опубликованы сочинения протопопа Аввакума, в том числе «Книга толкований и нравоучений», которую Шергин цитирует.

[29] *Тогда будет тебе «звездная книга, с тобою говорить будет морская волна».* — Отсылка к стихотворению Е. А. Баратынского «На смерть Гете» (1833): «Была ему звездная книга ясна / И с ним говорила морская волна».

[30] *...дольней лозы прозябанье.* — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

[31] *...сеется не в честь, восстает во славе.* — «Такожде и воскресение мертвых... сеется не в честь, востает в славе» (1 Кор 15: 43).

[32] Ин 12: 24.

[33] *Преподобный Амвросий Оптинский* (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812—1891) — старец Оптиной пустыни.

[34] *...(одежды не имам да вниду!)...* — См. песнопение (эксапостиларий) исполняющееся на утрени в первые четыре дня Страстной седмицы: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь: просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя».

[35] *...«чуешь смущенной душой»...* — Цитата из двустишия А. С. Пушкина «На перевод Илиады» (1930): «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; / Старца великого тень чую смущенной душой».

[36] *О, Владыка, восстани в нас, падшим нам подая воскресение.* — См. икос 6 песни Пасхального канона («Иже прежде солнца...»): «...и с плачем возопием, о Владыко востани, Иже падшим подая воскресение».

[37] «Ни» в церковнославянском языке иногда употребляется в значении «нет».

[38] *...«Свете тихий святыя славы».* — Начальные слова песнопения вечерни (см. прим. 10).

[39] *...«Слава Тебе, показавшему нам свет!»* — возглас иерея, предваряющий Великое славословие на утрени.

[40] *Пореваáть* — устремляться порывами, ринуться; побуждать или двигать напором, водой, ветром, ринуть. Корабль, пореваемый ветрами, побуждаемый, помыкаемый (см.: *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка).

[41] *Ретирада* — одно из значений (*устар.*) — отхожее место, туалет.

[42] *И о сем до зде.* — Об этом достаточно, сказанного достаточно, довольно (*др.-рус.*). Слова, которыми нередко заканчивалась часть повествования в древнерусских житиях, поучениях, посланиях.

[43] Текст дневниковой записи за 27 июля 1942 г. был опубликован в 3-м томе Собрания сочинений Б. В. Шергина (М.: издат. центр «Москвоведение», 2014. С. 47—48), однако при вычитке его по оригиналу, хранящемуся в РО ИРЛИ, было сделано немало уточнений, поэтому мы сочли целесообразным опубликовать эту запись в исправленном варианте.

[44] *...«мелькнет желтый лист на зелени дерев».* — Неточно процитирована начальная строка стихотворения Н. П. Грекова «Приметы осени» (1855): «Мелькает желтый лист на зелени дерев».

[45] *Дворец Найденовых* — вероятно, Шергин имел в виду так называемые палаты Шуйских — жилой дом с палатами XVII в., находящийся на противоположном от Никольской церкви конце Подкопаевского переулка.

[46] *...в Кленниках служащу отцу Сергию.* — *Священномученик Сергий Мечёв* (1892—1942) служил в московской церкви Святителя Николая в Кленниках на Маросейке с 1919 г. После смерти отца, преподобного Алексия Мечёва, был с 1923 г. до ареста в 1929 г. настоятелем храма. Расстрелян 6 января 1942 г., канонизирован в 2000 г.

[47] *Храм Феофании...* — Шергин имеет в виду Богоявленский кафедральный собор в Елохове (теофания, феофания — богоявление, *греч.*).

[48] *...«вещи во тьме преходящей, страха нощнаго».* — Ср.: «Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща, и беса полуденнаго» (Пс 90: 5—6).

[49] *...Лик Его был светел, как солнце, и одежды белы, как снег...* — См.: «и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф 17: 2).

[50] *...«Просвети лице Твое на ны, Христе, Свете истинный, да знаменается на нас свет лица Твоего»...* — См.: «Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны» (Пс 66: 2); «Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи» (Пс 4: 7); «Боже, ущедри ны и благослови ны, просвети лице Твое на ны и помилуй ны. Христе́, Све́те истинный, просвещаяй и освяща́яй всякаго человека, гряду́щаго в мир, да зна́менается на нас свет лица Твоего» (возгласы священника из богослужения Первого часа).

[51] *Горе́ имеим сердца — зовет литургия. Всякое ныне житейское отложим попечение... Иже херувимы, тайно образующее...* — Шергин приводит возгласы и песнопения Божественной Литургии.

[52] *И по Христове Евангелии с херувимами нас ставит в ряд Церковь Христова, обедня честная.* — В Херувимской песне, которая звучит на литургии после чтения Евангелия и ектений, молящиеся уподобляются херувимам.

[53] *...«Примите, ядите, пийти от нея вси...»* — См. установительные слова Евхаристического канона: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов. Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов».

[54] *...«Твоя от Твоих»...* — Возглас священника после установительных слов: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся»; в алтаре происходит возношение Даров.

[55] *...«Молитвами Богородицы, Спасе ~ преобразивыйся на горе поющия ти, аллилуйя» ~ «Преобразился еси на горе, Христе Боже... ~ в гору святую Твою»...* — Шергин фрагментарно цитирует 1-й, 2-й и 3-й антифоны, исполняющиеся на Литургии в праздник Преображения Господня.

[56] *...«уши врозь, дугою ноги, и как будто стоя сплю...»* — Шергин цитирует стихотворение А. Н. Майкова «Сенокос» (1856). Ср.: «В ожиданьи конь убогий / Точно вкопанный, стоит... / Уши врозь, дугою ноги / И как будто стоя спит...»

[57] *«Брат от брата помогаем, яко град тверд».* — См.: «Брат от брата помогаемь, яко град тверд и высок, укрепляется же якоже основаное царство» (Притч 18: 19).

[58] *...Божие милосердие по углам и стенам.* — «Божьим милосердием» на Руси называли домовые иконы.

[59] *о. Лев-Леонид* — преподобный *Лев (Леонид) Оптинский* (в миру *Лев Данилович Наголкин*; 1768—1841), основатель старчества в Оптиной пустыни.

[60] *о. Макарий* — преподобный *Макарий Оптинский* (в миру *Михаил Николаевич Иванов*; 1788—1860), старец Оптиной пустыни.

[61] *...«гефсиманский чин» Ея погребения.* — Чин Погребения Пресвятой Богородицы — особое богослужение в православной Церкви, во время которого вспоминается успение и погребение в Гефсимании Божией Матери.

[62] Об отречении апостола Петра см.: Мф 26: 69—75; Мк 14: 66—72; Лк 22: 55—62; Ин 18: 15—18, 25—27.

[63] *...сын грома.* — Апостол Иоанн Богослов. Иоанна и его старшего брата Иакова, сыновей Зеведеевых, Христос прозвал «сынами грома» (Воанергес) (см.: Мк 3: 17).

[64] *...«настоящего града не имел, грядущий взыскуя».* — См.: «не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем <не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего>» (Евр 13: 14).

[65] *...бежал от мира, от всего, яже в мире.* — См. заповедь: «Не любите мира, ни яже в мире» (1 Ин 2: 15).

[66] *...«Всяку ныне житейскую отвержем печаль».* — Шергин приводит строку из дониконовского церковнославянского перевода Херувимской песни, сохранившегося в старообрядческом богослужении.

[67] Скитский патерик, составленный в V—VI вв., описывает жизнь и аскетические подвиги египетского монашества.

[68] *«Тя бо виде святый Андрей на воздусе».* — Из величания Покрову Пресвятой Богородицы.

[69] *...scio, quid nescio.* — Правильно: scio me nescire — я знаю, что ничего не знаю (я знаю только то, что ничего не знаю). Это изречение приписывается древнегреческому философу Сократу (по другим сведениям — Демокриту).

[70] *...«Обретохом желаемого!»* — Из кондака апостолу Андрею Первозванному: «Мужества тезоименитаго Богоглагольника и Церкве возследователя верховнаго, Петрова сродника восхвалим, зане якоже древле сему, и ныне нам воззва: приидите, обретохом Желаемаго». См. также слова апостола Андрея Первозванного о Иисусе Христе, обращенные к брату Симону Петру (Ин 1: 40—41).

[71] *Сам Христос заверил: жаждай и алкай Меня и получишь насыщение блаженное.* — Ср.: «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда» (Ин 6: 35); «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф 5: 6).

[72] *Святой Андрей Юродивый* — блаженный Андрей Константинопольский, Христа ради юродивый, который был славянином и жил в X в. в Константинополе.

[73] *...звуков небес не могут заменить скучные песни земли ~ «желания чудного»...* — Отсылка к заключительной строфе стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» (1831): «И долго на свете томилась она, / Желанием чудным полна; / И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

[74] В праздник Покрова Пресвятой Богородицы вспоминается чудо явления Богородицы блж. Андрею и его ученику Епифанию. Описание этого видения приводится в житии Андрея Юродивого. Во время молитвы во Влахернском храме святой Андрей сподобился узреть Пресвятую Богородицу, покрывающую молящихся Своим омофором.

[75] *Мне же благо есть прилеплятися Богови, возвещати заутра милость Его.* — См.: «Мне же прилеплятися Богови благо есть» (Пс 72: 28); «Возвещати заутра милость Твою» (Пс 91: 3).

[76] *Миша* — Михаил Андреевич Барыкин, воспитанник Шергина, которого он называл «богоданным племянником».

[77] *Скомнет* — ско́мнуть (*диал.*); здесь: страдать, переживать, беспокоиться, вздыхать.

[78] *Святитель Гурий* (в миру *Григорий Григорьевич Руготин*; ок. 1500—1563), первый архиепископ Казанский и Свияжский.

[79] *«Преклонь небеса, и сниде на землю».* — Ср.: «И приклони небеса, и сниде, и мрак под ногама Его» (Пс 17: 10).

[80] *Модею* — моде́ть (*диал.*); здесь: корпеть, копаться над чем-нибудь; слишком долго и медленно что-то делать (*диал.*).

[81] *Авва Макарий* — преподобный Макарий Оптинский (см. прим. 60).

[82] *Преподобный Паисий* (Величковский; 1722—1794) — один из выдающихся отечественных афонских подвижников, родоначальник духовного возрождения в XVIII в. православия, прежде всего — исихастских традиций православного монашества и старчества.

[83] *Преподобный Моисей Оптинский* (в миру *Тимофей Иванович Путилов*; 1782—1862) — схиархимандрит, настоятель и старец Оптиной пустыни. *Преподобный Антоний Оптинский* (в миру *Александр Иванович Путилов*; 1795—1865) — старец Оптиной пустыни.

[84] *Схиигумен Парфений* (в миру *Петр Агеев* или *Андреев*; 1806—1878) — настоятель Николо-Берлюковской пустыни и основатель миссионерского Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, духовный писатель, миссионер. Инок Парфений в сентябре 1841 г. был в Оптиной у старца Леонида, о чем он подробно рассказывает в своей книге «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» (1855).

[85] Пропущено слово *порогом*.

[86] *Нива моя, нива, нива золотая! ~ Над тобою с песней жаворонок вьется...* — Строки из стихотворения Ю. В. Жадовской «Нива» (1847).

[87] *Хвали, душе моя, Господа! Восхвалю Бога в животе моем.* — См.: «Хвали, душе моя, Господа: восхвалю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь» (Пс 145: 1—2).

[88] *...«Христос раждается» пропели. — Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, с* 4 декабря (21 ноября), в православных храмах *на утрени установлено воспевать ирмосы рождественского канона, который по начальным словам ирмоса первой песни называют «Христос раждается» (*«Христос раждается — славите, / Христос с Небес — срящите. / Христос на земли — возноситеся. / Пойте Господеви, вся земля, / и веселием воспойте, людие, / яко прославися»).

[89] Слова «*на воде вм. обеда сегодня*» в рукописи зачеркнуты.

[90] *...«три царя из стран далеких»...* — Слова из рождественской колядки. В дневнике за 1943 г. (запись от 22 декабря) Шергин приводит полный текст этого запомнившегося ему с детства песнопения.

Библиографический список

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гослитиздат, 1935.
2. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л.: изд. АН СССР, 1927. Кн. I (Русская историческая библиотека; т. 39).
3. *Парфений* [*Агеев*]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения: в 4 ч. М.: в тип. А. Семена, 1855.
4. *Шергин Б. В.* Дневник 1942 года (21 января — 13 мая). Часть I / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. Ш. Галимовой и М. В. Никитиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год. СПб.: Полиграф, 2023.
5. *Шергин Б. В.* Собр. соч.: [в 4 т.] / сост. Ю. М. Шульман. М.: издат. центр «Москвоведение», 2014. Т. 3.